

УДК 94.327

США – ЯПОНИЯ (1895–1912 гг.): СИМПАТИИ И НАСТОРОЖЕННОСТЬ

© 2011 г. **М.Г. Носов***
Институт Европы РАН, Москва

На рубеже XIX и XX веков в отношениях между США и Японией произошёл переход от дружбы, основанной на покровительственном и доброжелательном взгляде Вашингтона на Токио, к очевидной настороженности из-за растущих колониальных аппетитов Японии в отношении Китая и Кореи. Конфликт между двумя странами нарастал как на основе увеличивавшейся военной мощи Японии, что проявилось в ходе её войны с Россией, так и в связи с распространением на японских иммигрантов американского расизма. Япония становилась соперником США в Тихоокеанском регионе, а отношения с ней – важной частью американской внешней политики.

Ключевые слова: история американо-японских отношений, колониализм, Дальний Восток, США, Япония, Россия, Китай, Корея.

17 августа 2010 г. губернатор штата Нью-Хэмпшир Джон Линч подписал закон штата, объявлявший 5 сентября Днём Портсмутского мирного договора. Соглашение, подписанное в 1905 г. в г. Портсмут, до сих пор рассматривается как победа американской дипломатии, которая в лице президента Теодора Рузвельта действительно приложила серьёзные усилия для достижения мира между Россией и Японией. В то же время Портсмутский договор открыл новый этап в развитии отношений между США и Японией.

Хронологические рамки статьи ограничены 1895–1912 гг. В 1895 г. Япония вышла победителем из войны с Китаем и сделала серьёзную заявку на полноценное участие в политике ведущих держав мира, что обусловило начало трансформации американо-японских отношений. В 1912 г. в США, после избрания президентом демократа Вудро Вильсона, Белый дом покинули республиканцы, занимавшие его с 1896 г. В Японии со смертью императора Муцухито (в 1912 г.) закончилась эпоха Мэйдзи, на протяжении которой страна совершала переход от средневекового феодализма к уровню передовых держав мира. В рассматриваемый период отношение США к Японии трансформировалось от снисходительного восхищения успехами недавнего ученика к равным отношениям, в которых всё чаще проглядывала настороженность.

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕРАН. E-mail: mikhailnosov@yahoo.com

Статья 4-я. Предыдущие статьи цикла см.: «США ♦ Канада: экономика, политика, культура». 2011: № 1, с. 81–98; № 2, с. 93–108; № 7, с. 77–93. – *Ред.*

Основы американской политики в Азии были заложены президентом-демократом Гровером Кливлендом уже в его первое президентство (1885–1889 гг.) и, несмотря на партийные различия и разный внешнеполитический подход к внешней политике, сохранились в политике президентов-республиканцев Уильяма Маккинли (1897–1901) и Теодора Рузвельта (1901–1909). Все эти годы США рассматривали Японию как контрбаланс колониальной политике европейских держав, а себя как силу, способную обеспечить стабильность Тихоокеанского региона. Американцы выступали посредниками в двух основных дальневосточных военных конфликтах – японо-китайской войне 1894–1895 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг.; американские войска приняли участие в подавлении Боксёрского восстания в Пекине в 1900 году.

Политика США на Дальнем Востоке в течение указанных лет определялась рядом факторов:

Во-первых, Япония в глазах американцев оставалась страной, ставшей жертвой немцев, французов и русских, которые в 1895 г., после окончания японо-китайской войны, заставили её отказаться от Ляодунского полуострова, а менее чем через три года сами начали захватывать территории в Китае.

Во-вторых, даже противоречия между США и Японией, включая расхождения по вопросу о политике в отношении Китая, в конце XIX – начале XX века находились в тени восхищения американцев успехами японцев по модернизации своей страны, во многом достигнутой при содействии Соединённых Штатов. Китай же воспринимался как консервативная и ксенофобская страна, сопротивляющаяся всему новому*.

В-третьих, США рассматривали Японию в качестве противовеса России в борьбе за влияние в Китае. Россия в 1896 г. подписала с Китаем секретный договор о военном союзе, частью которого было соглашение о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Американцы при поддержке Японии пытались добиться права на постройку железной дороги Кантон – Гуанчжоу – Пекин и далее в Маньчжурию. Однако эти планы не были осуществлены из-за противодействия России, которая стремилась укрепить свои позиции в Маньчжурии. Россия и Япония всё больше конкурировали за влияние в этой северо-восточной части Китая; при этом США поддерживали в данной борьбе Японию, чьи позиции в Китае были намного слабее, чем позиции России. В 1902 г. основные объёмы инвестиций в экономику Китая приходились на Великобританию (33% общего объёма), Россию (31,3%) и Германию (20,9%). На Японию приходилось лишь 0,1% общих инвестиций, на США – 2,5% [4, р. 126].

В-четвёртых, существовавшая власть в Китае отличалась крайней непредсказуемостью и нестабильностью. Начавшееся в 1898 г. на севере Китая Боксёрское восстание, направленное против расчленения Китая и против иностранцев, привело к фактической потере императорским двором контроля над страной, что положило начало летом 1900 г. интервенции в Китай шести европейских стран, США и Японии.

* В 1890-е годы в Китае отмечались враждебные акции, направленные против американских миссионеров. Американский посланник в Китае Чарлз Денби, считавший, что Китай находится на краю политической пропасти, призывал «уничтожить ряд китайских городов в отместку за действия против американских миссионеров» [19, р. 60].

В-пятых, Япония становилась всё более значимым торговым партнёром США. С 1895 по 1910 г. американский экспорт в эту страну вырос с 4,6 до 22 млн. долл. (в процентах объёма экспорта США рост продаж в Японию вырос с 0,6 до 1,3), импорт – с 23,7 до 66,9 млн. долл. (рост – с 3,2 до 4,3% объёма импорта США) [17]. Что касается внешней торговли Японии, то с 1895 по 1910 г. на США в среднем приходилось 30,9% японского экспорта, на Китай – 14,1%. В импорте Японии за этот же период на США приходилось 12,4%, Великобританию – 26,2%, Индию – 14,1%, и на Китай 12,5% [4, р. 128].

В-шестых, после аннексии в 1898 г. Гавайев и захвата в том же году Филиппин интерес США к Тихоокеанскому региону возрос. Для Вашингтона признание Японией, ставшей сильнейшей морской державой на Тихом океане, американских интересов в этом районе стало крайне важным. Со своей стороны, Токио в качестве ответного шага рассчитывал на признание Соединёнными Штатами особых интересов Японии в Корее. Политика США и Японии в отношении Китая с каждым годом активизировалась. Действия Токио на Дальнем Востоке в этот период рассматривались американцами вполне позитивно. США поддерживали Японию в войне с Россией в 1904–1905 гг., поощряли её к аннексии Кореи, которую она и осуществила в 1910 году.

В то же время растущая с каждым годом военная мощь Японии и её всё более явный экспансионизм начали входить в противоречие с интересами США в Тихоокеанском регионе и в Китае. Призывы американского теоретика военно-морской мощи государства Альфреда Тайера Мэхэна укрепить Тихоокеанский флот США нашли отклик у назначенного в марте 1897 г. заместителем министра военно-морских сил США Теодора Рузвельта. В частном письме Мэхэну он предложил направить на Гавайи американские боевые корабли, «прежде чем два новых японских линкора покинут Англию», где они строились. Рузвельт писал: «Я полностью осознаю опасность, грозящую нам со стороны Японии, и я знаю, что глупо полагаться на сентиментальную добрую волю по отношению к нам» [2, с. 138]. Именно Теодор Рузвельт стал инициатором программы строительства флота, который мог бы действовать как в Атлантике, так и на Тихом океане. До этого Тихоокеанский флот США состоял из небольших крейсеров и канонерских лодок, в задачу которых входила лишь охрана жизни американских купцов и миссионеров в Азиатском регионе.

После войны с Китаем Япония пошла по пути резкого наращивания военного флота. Если в 1894 г. на вооружении у неё находилось 8 броненосцев и 6 крейсеров, большинство из которых было построено в Англии и Франции, то к началу XX века под японским флагом плавали 18 броненосцев, 22 крейсера и около 90 миноносцев. Численность флота составляла почти 40 тыс. нижних чинов и 3,4 тыс. офицеров. Численность рабочих, занятых в военной промышленности выросла с 13,4 тыс. в 1893 г. до 128 тыс. в 1903 г. [3, с. 125–126]. Главное внимание островная Япония уделяла строительству современного военно-морского флота.

В 1902 г. военный губернатор Филиппин генерал Артур Макартур был назначен командующим Тихоокеанским флотом, со штабом в Сан-Франциско. В сферу его ответственности входили Филиппины и Гавайи. Начатая Макартом реорганизация вооружённых сил на Тихом океане была следствием потенциальной угрозы Соединённым Штатам со стороны Германии и Японии.

В 1903 г. генерал посетил Гавайи, где заявил о необходимости укреплять оборону островов. Это вызвало недовольство президента Рузвельта, который, хотя и был инициатором строительства Тихоокеанского флота США, но с большой симпатией относился как к кайзеру Вильгельму, так и к японцам. Закончился этот инцидент дипломатическим скандалом сначала с Германией, а затем и с Японией и телеграммой министра обороны США Э. Рута в Гонолулу, предписывающей Макартуру впредь воздерживаться от подобных высказываний [11, р. 56].

Признаком американской озабоченности растущими амбициями Японии стало и появление американской доктрины «открытых дверей», которая, по мысли её создателей, должна была обеспечить всем странам равные экономические возможности в Китае и остановить дальнейшую колонизацию этой страны. Политика «открытых дверей» стала результатом как американской заинтересованности в освоении китайского рынка, так и неспособностью США конкурировать с другими колониальными державами*.

США рассматривали Китай как огромный потенциальный рынок и место приложения своих капиталов. Япония, встав в один ряд с колониальными державами, считала соседний Китай естественной, хотя и тоже потенциальной, сферой своего влияния и территорией, которую она может и должна колонизовать. Соединённые Штаты были единственной страной среди крупнейших держав мира, не имевшей территориальных приобретений в Китае**, и американская политика основывалась на принципе обеспечения всем странам равных возможностей в отношениях с Китаем.

Впервые идея о равном доступе к восточным рынкам была сформулирована в конце XVIII века Томасом Джефферсоном, который считал, что «торговля с Востоком должна быть по возможности открытой для всех, вне зависимости от наличия влияния какой-либо страны» [19, р. 125].

* Своё продвижение в Азию американцы начали с Китая. Сделано это было не государством, а торговцами, которые, проявив инициативу в 1784 г., отправили свой первый корабль в эту страну. До этого американцы бывали в Китае, но попадали они туда на кораблях под английским флагом. Не слишком активные попытки администрации США подкрепить политической усилия бизнеса, активно проникавшего в Китай, большого успеха не принесли. В 1832 г. американцы направили дипломатическую миссию в Пекин, но она провалилась. Подписанный в 1844 г. специальным уполномоченным США в Китае Каледом Кушингом и дипломатическим представителем китайского двора договор не смог обеспечить американцам тех торговых привилегий, которые имели англичане.

** В марте 1898 г. Германия на 99 лет получила территорию Циндао и особые права на Шандунском полуострове. Через три недели за ней последовала Россия, которая на 25 лет арендовала Порт-Артур (Люйшунь) на Ляодунском полуострове и фактически установила контроль над значительной частью Маньчжурии и территориями к северу от Великой стены, Япония обязала Китай не передавать другим державам территорию провинции Фуцзянь и начала укреплять свои позиции в Корее. В апреле того же года Франция на 99 лет арендовала Кантонский залив и права на строительство железной дороги в провинции Юнань и особые права на острове Хайнань. В июле того же года Великобритания в дополнение к Гонконгу, которым она владела с 1842 г., получила Вейхай на Шандунском полуострове и особые права в районе р. Янцзы. США в этом разделе территории Китая не участвовали.

Доктрину «открытых дверей» США сформулировали 22 сентября 1899 г. в ноте, направленной государственным секретарём США Джоном Хэйем правительствам Великобритании, Франции, Германии, России, Италии и Японии^{*}. Речь в ней шла о политике, гарантирующей равные для заинтересованных государств торговые права и экономические возможности в Китае. Этот документ отражал стремление Вашингтона прорваться на китайский рынок, что в конкретной ситуации было достижимо исключительно путём ограничения возможностей тех стран, которые уже получили серьёзные привилегии в Китае. После того как в ходе подавления Боксёрского восстания в северном Китае были размещены войска стран Европы, США и Японии, Хэй направил участникам интервенции вторую ноту, где речь шла о важности сохранения территориальной и административной целостности Китая.

Реализацию этой задачи США видели, во-первых, в свободном доступе для всех великих держав к открытым портам или к другим объектам; во-вторых, в том, что только китайское правительство может собирать торговую пошлину; и, в-третьих, американцы настаивали на том, что ни одна из великих держав, имеющая сферу своих интересов, не может освобождаться от уплаты портовых сборов или платы за железнодорожные перевозки. По сути, доктрина была попыткой обеспечить Америке место на китайском рынке, но объективно предполагалось сохранение территориальной целостности Китая и существование национального китайского государства.

Доктрину «открытых дверей» активно поддержали Великобритания и Германия. Позиция Японии оставалась весьма двойственной. С одной стороны, в Токио хорошо понимали, что противостоять России в Китае Япония может только при поддержке США, чем и определялась формальная поддержка доктрины «открытых дверей». Однако на практике ни Япония, ни Россия, вовлечённые в укрепление своих позиций в Маньчжурии, не собирались этого делать. К началу русско-японской войны Япония контролировала свыше 60% корейской торговли, строила железные дороги между Сеулом и Пусаном и Сеулом и Инчхоном. По соглашению 1896 г. Япония имела небольшие воинские контингенты в Сеуле, Пусане и Вонсане [4, р. 75].

Со своей стороны, Россия, в верхушке которой существовала группа во главе с министром внутренних дел В.К. Плеве, считавшая – «чтобы удержать революцию... нужна маленькая, победоносная война», усиливала своё присутствие в Корее, что очевидно входило в противоречие с интересами Японии. Николай II, по словам С.Ю. Витте, «был глубочайше уверен, что Япония, хотя может с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги». В своих резолюциях царь называл японцев исключительно «эти макаки» [1, с. 291–292].

Влиятельные группы, полагавшие, что война с Россией должна стать прелюдией к дальнейшей территориальной экспансии, были и в Японии. Как писал ещё в 1901 г. один из основателей националистической организации «Коккурюкай» Утида Рёхэй, война с Россией должна «создать основы для решения

^{*} Автором текста ноты был американский востоковед и специалист по Тибету Уильям Рокхилл, который пять лет занимал пост секретаря американской миссии в Пекине, а по возвращении в Вашингтон был назначен третьим заместителем госсекретаря США и в единственном числе представлял весь азиатский отдел Госдепартамента.

континентальной задачи – для захвата и объединения в один регион Маньчжурии, Монголии и Сибири»[12, р.61]. В том же году премьер-министр Японии Кацура Таро писал, что «Россия неизбежно будет расширять своё влияние в Корее и не остановится до тех пор, пока для японцев не останется там места». Любое соглашение с Россией он рассматривал как «временную и краткосрочную меру» [4, р. 77].

Столкновение интересов Японии и России в Маньчжурии и Корее в конечном счёте привело к русско-японской войне 1904–1905 гг. США формально соблюдали строгий нейтралитет, но на неофициальном уровне президент Рузвельт отметил в своём письме к английскому дипломату Сесилу Спринг-Райсу: «С момента начала войны я проинформировал Германию и Францию в весьма вежливой и сдержанной форме, что в случае, если будет создана коалиция против Японии, как это было сделано в 1894 г.^{*} Россией, Германией и Францией, я, не задумываясь, поддержу Японию и буду делать это столь долго, сколько это будет необходимо» [18, р. 2]

Американцы внимательно следили за действиями японской армии, к которой было прикомандировано 11 американских наблюдателей. Среди них были будущий командующий американским экспедиционным корпусом в Первой мировой войне капитан Джон Першинг и уже упоминавшийся генерал Артур Макартур, которого сопровождал сын – лейтенант Дуглас Макартур. Через 36 лет Макартур-младший будет командовать американскими войсками в войне против Японии после Пёрл-Харбора, а пока, в октябре 1904 г., отец и сын посетили Японию и встречались с героями русско-японской войны – Ояма Ивао, Куроки Тамэмото, Ноги Марэсука и Того Хэйхатиро. В качестве военного корреспондента к японским войскам был прикомандирован Джек Лондон.

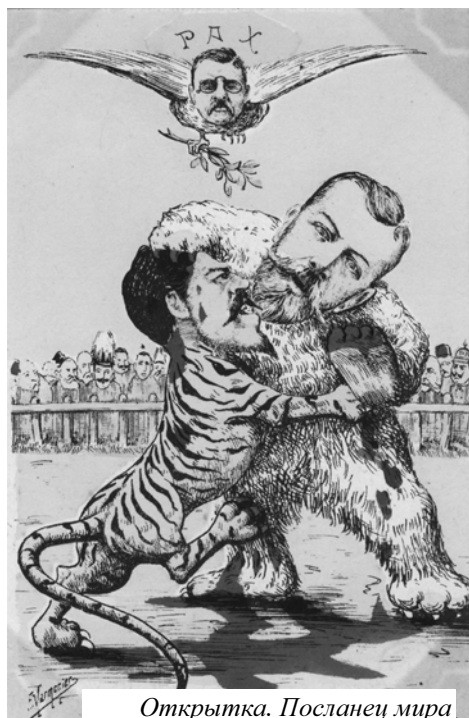
Для Японии Россия была явным конкурентом и врагом; американцам японцы, в силу ряда причин, были намного ближе, чем русские. Президент Рузвельт, находившийся в Белом доме с 1901 по 1909 г., имел стойкую репутацию друга и защитника Японии. Его отношение к этой стране основывалось не только на личных симпатиях, но и на очевидных геополитических соображениях. США (и не без оснований) считали, что Россия стремится укрепить позиции в Маньчжурии, тогда как Япония до поры до времени не декларировала свои экспансионистские планы в отношении Китая. Выступая за равные для всех возможности в Китае, США видели в России большую опасность, чем в Японии^{**}.

В 1902 г. Токио заключил союз с Великобританией, с которой США поддерживали близкие и тесные отношения. Кроме всего прочего, в Вашингтоне рассчитывали, что в ответ на американскую помощь Японии англичане будут благожелательно относиться к американской политике в Азии и, в частности, к захвату Филиппин, Гавайев и Гуама.

^{*} Рузвельт имел в виду выдвинутое Россией, Германией и Францией в 1895 г. требование в адрес Японии относительно нежелательности аннексии Ляодунского полуострова.

^{**} Ситуация усугублялась ещё и тем, что после Кишинёвского погрома в апреле 1903 г. отношение мирового общественного мнения к России резко ухудшилось. Как заявил президент Рузвельт, «ни один человек, будь он чёрным, жёлтым или белым, не может быть столь лживым, столь неискренним, столь высокомерным или, короче говоря, столь ненадёжным в любом смысле этого слова, какими являются русские в условиях существующей там системы» [7, р. 205].

Несмотря на военные победы, японская экономика находилась в тяжёлой ситуации. В годы войны с Россией внешний долг Японии вырос с 600 млн. иен до 2,4 млрд. с ежегодной выплатой по обслуживанию долга в сумме 100 млн. иен. При этом в 1903 фин. г. японскому правительству удалось собрать всего 27 млн. иен в качестве налоговых сборов [18, р. 2]. Что касается России, то «маленькой победоносной войны» не получилось. Война продемонстрировала неподготовленность русской армии к боевым действиям и закончилась её тяжёлым поражением. Признание этого шло вразрез с великодержавным отношением России к Японии. Данная ситуация обусловила то, что инициатива мирных переговоров исходила от японцев. Уже в июле 1904 г. министр иностранных дел Японии Комура Дзютаро представил премьер-министру Японии

Открытка. Посланец мира

Кацура Таро проект мирного договора с Россией. Япония настаивала на независимости Кореи под японским протекторатом, на территориальной целостности Маньчжурии, на расширении своих интересов в Маньчжурии, в Корее и в русском Приморье и на «создании основ для эффективного вмешательства в целях защиты интересов Японии тогда, когда это будет необходимо» [12, с. 112–114]. Однако, желая сохранить лицо, японцы обратились к президенту Рузвельту с просьбой «пригласить обе воюющие державы встретиться», но сделать это должен был по «собственному побуждению и инициативе» президент США [9, р. 1222].

Отношение Т. Рузвельта к войне во многом определялось и тем, что Япония уделила огромное внимание пропагандистскому обеспечению её военной кампании в США. В конце марта 1904 г. в Вашингтон был направлен посол по особым поручениям Канеко Кентаро, в разное время занимавший посты министра сельского хозяйства и торговли и юстиции. (С будущим президентом Канеко познакомился в 1889 г., когда он, выпускник Гарварда, приезжал в Америку изучать парламентскую систему.) Сразу по прибытии в Вашингтон японский посол был принят президентом в Белом доме, и до начала переговоров в Портсмуте Рузвельт и Канеко ещё не раз встречались для консультаций, итогом которых стало американское посредничество в переговорах о заключении мира между Японией и Россией.

Во время русско-японской войны президент Рузвельт неоднократно выступал в поддержку японцев, подчёркивая в своей частной переписке, что Япония «сражается на стороне цивилизации» и «представляет англосаксонские народы» [9, р. 1309]. Когда он в конце мая 1905 г., вернувшись с медвежьей охоты в штате Колорадо, узнал о разгроме русской эскадры адмирала Рожественского в Цусимском проливе, то, не скрывая своей радости, пообещал Канеко по-

слать шкуру самого большого медведя (символ России) в подарок японскому императору.

В начале войны с Россией, 23 февраля 1904 г., Япония подписала соглашение с Кореей, где говорилось, что «императорское правительство Японии решительно гарантирует независимость и территориальную целостность Корейской империи». Это успокоило американцев, которые поверили или сделали вид, что поверили Токио. Более того, японцы убедили американскую администрацию в том, что соглашение с Кореей ни в коей мере не затронет договорённостей, заключённых Кореей с другими державами или предоставленных им концессий. Американцев успокаивало и то, что финансовым советником корейского правительства был назначен выпускник Гарвардского университета японец Мегата. Однако фактически Вашингтон признал японскую аннексию Кореи.

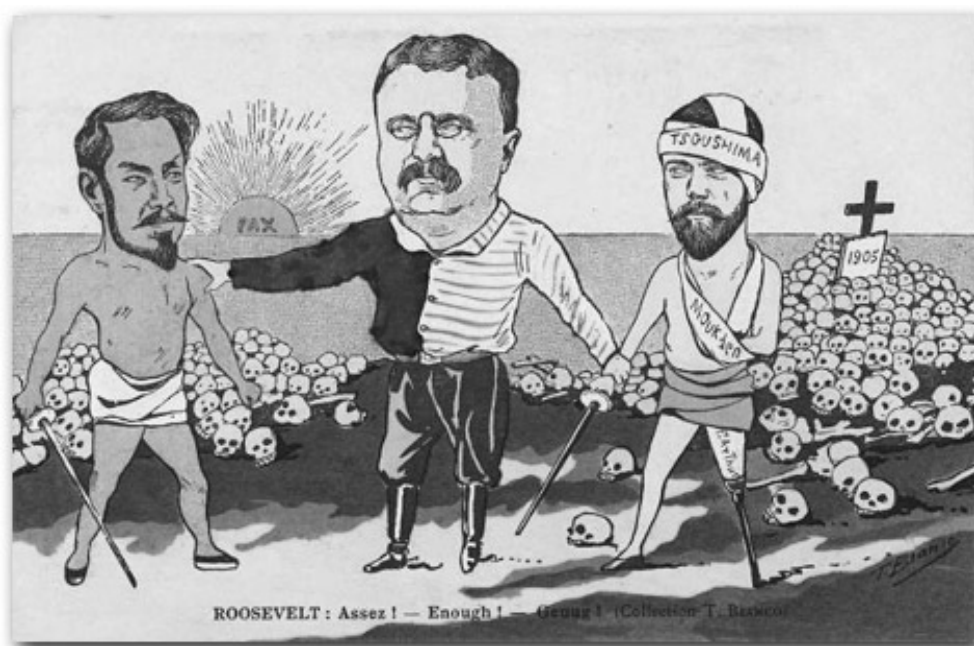
В конце июля 1905 г. в Токио было подписано так называемое соглашение Тафта – Кацура. В соответствии с этим документом, завизированным военным министром в администрации Т. Рузвельта и будущим президентом США Уильямом Говардом Тафтом и премьер-министром Японии Кацура Таро, Соединённые Штаты одобрили установление японского протектората над Кореей в обмен на подтверждение Японией прав США на Филиппины^{**}.

В ноябре 1905 г. Япония и Корея подписали договор, в соответствии с которым внешняя политика Сеула становилась прерогативой японцев, а при дворе корейского короля получал аккредитацию японский «генеральный резидент». Буквально через несколько дней госсекретарь Э. Рут проинформировал японского посланника о том, что США отзывают свою дипломатическую миссию из Сеула, а все вопросы, относящиеся к Корее, переходят в компетенцию американского посольства в Токио. В Японии этот шаг был расценен как «очень любезный и дружественный акт» [7, 1905, р. 615].

Что касается Китая, на территории которого шла война, то сразу же после её начала Госдепартамент США направил в Токио и Санкт-Петербург телеграммы, где говорилось, что «США искренне заинтересованы в соблюдении нейтралитета Китая и его юридическое существование будет уважаться обеими сторонами в ходе военных операций, начавшихся между Россией и Японией» [7, 1904, р. 418].

* Рузвельт сделал это после заключения Портсмутского мира [8, р. 229].

** Тафт возглавил первую государственную миссию США, посетившую Азию, задачей которой было подтверждение политики «открытых дверей» в Китае и укрепление отношений с Японией в контексте американского посредничества в заключении мирного договора между Россией и Японией. В составе представительной миссии было 35 конгрессменов, семь сенаторов, журналисты и дочь президента Рузвельта Алиса. Делегация отправилась из Сан-Франциско на корабле «Маньчжурия», и в планах путешествия были Гавайи, Япония, Китай, Филиппины. Американские журналисты назвали «Маньчжурию» ковчегом, а Тафта Ноем, отправившимся в Азию. Американскую делегацию принял император Мэйдзи, который лично пожал руку каждому из членов делегации, после чего им разрешили осмотреть сад дворца, куда крайне редко допускались не только иностранцы, но и японцы. Подчёркнутое внимание японцев к американской группе объяснялось в первую очередь заинтересованностью в скорейшем подписании мирного договора с Россией, что теперь во многом зависело от Вашингтона.

Карикатура. Рузвельт пытается примирить две державы

В январе 1905 г., после падения Порт-Артура, Великобритания, Германия* и Франция выступили с инициативой мирных переговоров между Россией и Японией, о чём Рузвельт сообщил Канеко. Для главы Белого дома, который вёл свою вторую президентскую кампанию, было важно самому выступить с инициативой по проведению мирной конференции. Рузвельт предложил Японии в ходе переговоров с Россией потребовать себе Порт-Артур, получить контроль над Кореей, но Маньчжурия, по его мнению, должна была быть возвращена Китаю и превратиться в нейтральную зону под международными гарантиями.

Япония в целом согласилась с американскими предложениями за исключением пункта о передаче Маньчжурии под международный контроль. По мнению Токио, Маньчжурию следовало вернуть Китаю, но сделать это только тогда, когда Китай сможет осуществлять контроль над этой территорией, а до этого времени Маньчжурия должна оставаться под японским контролем. Япония выдвинула также требование о выплате Россией контрибуции и уступке Сахалина. Японские предложения были сформулированы в телеграмме, направленной японским правительством послу Японии в Вашингтоне Такахира Когоро.

Дальнейшие события развивались вокруг несбывшихся надежд России на военное решение проблемы отношений с Японией. 14 февраля 1905 г. Рузвельт сообщил Канеко о том, что он сделал предложение о проведении мирной конференции российскому послу Артуру Кассини, однако Санкт-Петербург отказался от американской инициативы. Россия мотивировала это тем, что исход войны не ясен и есть шанс победить Японию под Мукденом и на море си-

* Исход войны между Россией и Японией вызывал серьёзное беспокойство Германии, которая опасалась, что в случае победы Японии под угрозой захвата окажутся немецкие владения на Шаньдунском полуострове.

лами флота, который идёт с Балтики. 10 марта 1905 г. битва под Мукденом закончилась разгромом русской армии и по просьбе японцев Рузвельт уполномочил нового посла США в России Дж. Мейера, представлявшего интересы Японии в России, довести до сведения царя о стремлении США содействовать заключению мира между Россией и Японией. Однако Россия вновь отвергла американское предложение. 27 мая эскадра адмирала Рожественского была уничтожена в Цусимском проливе и 31 мая министр иностранных дел Японии Комура Дзютаро направил телеграмму послу в США Такахира Когоро. В ней содержалась просьба к президенту Рузвельту «найти для себя возможным немедленно и всецело по своей инициативе пригласить обоих противников встретиться для непосредственных переговоров» [1, с. 617].

Спустя три дня Рузвельт вновь предложил российскому послу Кассини посреднические услуги. Ответом было несогласие с любыми территориальными уступками и выплатами репараций. Через несколько дней (8 июня 1905 г.) Рузвельт снова призвал Россию и Японию начать переговоры, подчеркнув при этом, что хотя «президент США и не считает, что любое вмешательство в мирные переговоры допустимо, он полон желания сделать всё возможное, в случае, если обе державы сочтут, что его содействие будет полезным» [7, 1906, р. 807]. Уже 10 июня министр иностранных дел России В. Ламсдорф сообщил в Вашингтон о принятии Россией предложения американского президента.

Перед отъездом в Америку С.Ю. Витте, назначенного вести переговоры с японцами, принял Николай II, заявивший, что он не может допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли. В то же время Япония укрепила свои позиции ещё до переговоров, высадив 7 июля 1905 г. десант на Сахалин. В течение месяца остров был ею оккупирован.

Переговоры о заключении мирного договора между Россией и Японией прошли в Портсмуте (штат Нью-Хэмпшир) с 9 августа по 5 сентября 1905 г. Перед их началом Рузвельт принял обе делегации и пожелал скорейшего достижения договорённости о мире. Глава Белого дома формально не участвовал в российско-японской встрече, однако посол по особым поручениям Канеко оставался на время переговоров в Нью-Йорке и поддерживал постоянные контакты как с президентом Рузвельтом, находившимся на своей даче в Остер-Бей, так и с главным японским переговорщиком министром иностранных дел Комура Дзютаро. Фактически Рузвельт играл на японской стороне и всё время переговоров оставался негласным советником делегации. По словам Витте, «Рузвельт с самого начала переговоров и всё время старался поддерживать Японию... а его симпатии были на её стороне» [1, р. 418].

7 августа 1905 г. Рузвельт заверил Канеко о своей готовности вмешаться в ход переговоров в случае, если они зайдут в тупик. Уже 18 августа на встрече с Канеко глава Белого дома решил, что пришло время вмешаться, поскольку стороны не могли прийти к соглашению. Президент США решил напрямую обратиться к Николаю II, предварительно проинформировав Витте о выдвигаемых требованиях. Рузвельт рекомендовал, если Витте не согласится на японские предложения, настаивать на отторжении Сахалина и компенсации Россией японских расходов на войну. Если же Россия не примет эти условия, то Японии нужно потребовать 48-часового перерыва в переговорах. Если перерыв будет объявлен, это даст повод обратиться напрямую к царю, германскому кайзеру и президенту Франции.

*После русско-японских переговоров:
приём Т. Рузвельтом членов делегаций*

Рузвельт предлагал России согласиться на японское предложение и заплатить Токио компенсацию за возвращение северной части Сахалина. С его точки зрения, в этом случае Россия «не потеряет лицо», выплачивая не военную контрибуцию, а просто «выкупая» часть Сахалина. Японское предложение было отвергнуто, и Рузвельт в своей телеграмме предупреждал царя, что в случае непринятия японских условий, «Россия может потерять всю Сибирь, которую храбрые русские солдаты отвоёвывали своей кровью на протяжении 300 лет» [9, р. 251]. Президент США направил телеграммы с просьбой о посредничестве и кайзеру и президенту Франции.

Россия категорически не соглашалась платить деньги, и тогда Рузвельт сумел убедить японцев отказаться от этого требования, что позволило подписать мирный договор. По Портсмутскому договору Япония получила южную половину Сахалина, Южную Маньчжурию (Ляодунский полуостров, южную ветку КВЖД от Мукдена до Порт-Артура со всеми русскими правами и концессиями) и право рыбной ловли в русских водах. Япония могла также размещать на по-

луострове свой военный гарнизон. Для Витте достижение компромисса далось нелёгкой ценой. Ночь перед подписанием договора он провёл, по его словам, «в какой-то усталости, в кошмаре, в рыдании и молитве» [1, с. 436].

Заключение Портсмутского мира было по-разному воспринято в США и Японии. Американские газеты писали о договоре как о величайшем достижении и о том, что только великая нация может предложить поверженному врагу столь щедрые и приемлемые условия после успешных побед. Поскольку именно президент Рузвельт убедил японцев отказаться от требования к России о выплате контрибуции, заслуга в достижении мирного договора относилась и к нему. За своё посредничество в 1906 г. он получил Нобелевскую премию мира.

В Японии Портсмутский мир был воспринят крайне негативно. 5 сентября 1905 г. в стране произошли крупные антиправительственные выступления; в их подавлении приняла участие армия. Министр иностранных дел Комура был обвинён в том, что не смог добиться от России выплаты контрибуции. Он вернулся в Токио тайно и под полицейской охраной.

Посредничество Т. Рузвельта в подписании мирного договора между Россией и Японией можно назвать высшей точкой отношений между Вашингтоном и Токио, поскольку после 1905 г. обе столицы всё больше сталкивались со сложностями и взаимным недоверием. Отношения двух стран определялись прежде всего тремя факторами:

- во-первых, растущая японская иммиграция в США и на Гавайи вызвала вспышку расизма и устойчивые антияпонские настроения в Америке;

- во-вторых, у США усиливалось беспокойство из-за роста японской военной мощи, что рассматривалось ими как потенциальная угроза американским интересам на Дальнем Востоке;

- в-третьих, американцы всё больше убеждались в том, что интересы Японии в Китае входят в противоречие с политикой «открытых дверей» в этой стране.

В 1909 г. всего через четыре года после подписания Портсмутского мирного договора президент Рузвельт, отказавшийся от выдвижения своей кандидатуры на третий срок на президентских выборах, направил будущему госсекретарю в новой администрации президента Уильяма Тафта Филандеру Ноксу письмо – своего рода наставление будущему руководителю американской внешней политики. В этом своеобразном политическом завещании рассматривалась как потенциальная военная угроза со стороны Японии, так и вопросы, связанные с иммиграцией. Послание начиналось словами: «Существует одна проблема внешней политики столь огромной и постоянной важности, что заставляет меня поставить её перед избранным президентом и Вами – это отношения между Соединёнными Штатами и Японией». Далее в письме говорилось, что «Япония является наиболее грозной военной силой. Японцы обладают особой способностью к войне. Они горды, воинственны, ранимы и подвержены двум противоречивым чувствам – величайшей самоуверенности, одновременно жестокой и тщеславной, что происходит из их победы над могущественной российской империей, и величайшей чувствительности, связанной с их желанием считаться полностью равными братским народам Запада. Вместо этого они испытывают горькое унижение, находя, что даже их союзники англичане,

и даже их друзья американцы не признают их равноправными гражданами, как они это делают в отношении менее развитых и более отсталых народов Европы» [13, р. 120-126].

Основную угрозу для Соединённых Штатов Рузвельт видел в конфликте с Японией на почве иммиграционных законов. «Разрешение японцам приезжать к нам в больших количествах вызовет расовые проблемы и наверняка приведёт к расовым конфликтам, – говорил он. – Необходимо предотвратить это. Но столь же необходимо, чтобы мы продемонстрировали всю возможную вежливость и предупредительность в проведении всегда неприятной политики высылки, и в то же время были основательно вооружены для того, чтобы не допустить готовность японцев напасть на нас. К сожалению, огромное число наших людей демонстрируют как глупое равнодушие к необходимости вооружаться, так и не менее глупое стремление обижать японцев» [13, р. 121].

Расовые проблемы вызывали наиболее острые противоречия в отношениях между США и Японией в начале XX века. Шла русско-японская война, американские газеты выражали восхищение военными победами Японии и в то же самое время газета «Сан-Франциско кроникл» в марте 1905 г. в течение месяца выходила с заголовками «Японское вторжение не за горами», «Японская угроза американским женщинам», «Как японцы вытеснят белых». «Как только закончится война с Россией, – писала газета, – бурный поток японской иммиграции захлестнёт Америку». Американцев предупреждали, что 100 тыс. японцев готовы переехать в США, но они, «так же как и китайцы, не готовы к ассимиляции» [6, р. 116].

Антияпонская кампания в Калифорнии явилась продолжением антикитайских выступлений, начавшихся в 1871 г. с китайских погромов, результатом чего стало принятие в 1882 г. закона «Об изгнании китайцев», срок действия которого вначале был определён в 10 лет, а в 1902 г. он стал бессрочным*. Выходцы из Азии воспринимались в Калифорнии враждебно в силу как расизма, так и культурных различий. Китайцы, например, не хотели ассимилироваться, их труд был дешёв, что снижало стоимость рабочей силы. Они далеко не всегда были законопослушны. Кроме всего прочего, в Калифорнии росли опасения, что рост числа китайцев приведёт к захвату ими контроля над Тихоокеанским побережьем.

Вспышка антияпонской кампании в Калифорнии не имела экономической подоплёки, и вряд ли существовали опасения японского вторжения в Америку. В начале века японцы, численность которых в США в 1900 г. составляла 24,3 тыс. человек, или 0,03% числа иммигрантов, не представляли экономической угрозы в силу своей малочисленности [6, р. 115]. Всё дело было в равной нетерпимости. Простить желтокожим японцам победу над белыми русскими было невозможно. Если в начале войны американцы симпатизировали «маленьким» японцам, сражавшимся с огромной Россией, то их победа стала рас-

* Закон «Об изгнании китайцев» был отменён Конгрессом лишь в 1943 г. Существовал также закон, запрещавший выходцам из Азии покупать землю. Он был признан антиконституционным только в 1952 г. Отдельные школы для детей иммигрантов из Азии были ликвидированы в 1936 году.

сма­тривать­ся как угро­за внут­ренней безо­пас­ности. Аме­ри­кан­цы боя­лись, что де­мо­би­ли­зо­ван­ные япон­ские сол­да­ты устре­мят­ся в Соеди­нённые Штаты, а япон­ская ар­мия стан­ет угро­зой для аме­ри­кан­ских вла­де­ний в Тихом оке­ане. Сим­па­ти­зи­ру­ю­щий япон­цам пре­зи­дент Руз­вельт выс­ка­зал эти опасения по­слу Кане­ко Кен­таро перед его отъез­дом в Япо­нию после под­пи­сания Пор­тс­мут­ско­го мир­ного до­гово­ра [8, р. 265].

В эпо­ху по­ли­т­ко­рек­тно­сти об­ви­не­ния аме­ри­кан­цев в расизме лишь под­чёр­ки­ва­ют стре­ми­тель­ность пу­ти, ко­то­рый аме­ри­кан­ское об­ще­ство про­де­ла­ло за весьма ко­рот­кий от­ре­зок ис­то­рии. Аме­ри­кан­ский расизм с се­ре­ди­ны XIX ве­ка рас­про­стра­нялся не толь­ко на вы­ход­цев из Аф­ри­ки, но и на тех, кто при­ехал в стра­ну из Азии. Ки­тай­цы ста­ли его пер­выми жер­т­ва­ми. С на­ча­лом зо­ло­той ли­хо­ра­дки 1849 г. они устре­ми­лись в Ка­ли­фор­нию, и уже в 1851 г. их на­счи­ты­ва­лось свы­ше 25 тыс. че­ло­век [17, р. 273].

На Га­вай­ях про­ти­во­сто­я­ние ме­жду япон­скими им­ми­гран­та­ми и аме­ри­кан­ца­ми на­ча­лось с мо­мен­та при­бы­тия в 1868 г. пер­вых пе­ре­се­лен­цев из Япо­нии. Их бы­ло все­го 148 че­ло­век, од­на­ко сразу же вла­сти Го­но­лу­лу на­ло­жи­ли за­прет на даль­ней­шую их им­ми­гра­цию [5, р. 55]. Япо­нская им­ми­гра­ция на Га­вайи воз­об­но­ви­лась в 1885 г., и че­рез 12 лет там на­счи­ты­ва­лось уже 25 тыс. япон­цев. Ко­ли­че­ство же бе­лого на­се­ле­ния со­став­ля­ло все­го 8 тыс. че­ло­век. В ос­нов­ном япон­цы при­ез­жа­ли для ра­боты на са­хар­ных план­та­циях; к кон­цу XIX ве­ка они со­став­ля­ли на Га­вай­ях са­мую боль­шую эт­ни­че­скую груп­пу, что вы­зы­ва­ло у аме­ри­кан­ских ко­ло­ни­стов опасения воз­мож­ной ан­нек­сии ар­хи­пе­ла­га Япо­нией.

И США по­спе­ши­ли сде­лать то, в чём они по­до­зре­ва­ли Япо­нию. В 1893 г. с аме­ри­кан­ско­го ко­ра­бля «Бос­тон» на о­сто­ва вы­са­ди­лись 162 моря­ка; они свер­гли ко­ро­ле­ву Ли­ли­о­ка­ла­ни и по соб­ствен­ной иници­а­ти­ве соз­да­ли на Га­вай­ях вре­мен­ное пра­ви­тель­ство из че­ты­рёх аме­ри­кан­цев, ко­то­рое про­су­ществовало до 1898 г., ко­гда Кон­гресс США при­нял ре­зо­лю­цию об ан­нек­сии о­сто­ров. Га­вайи ста­ли фак­ти­че­ски аме­ри­кан­ской ко­ло­ни­ей*. По сло­вам канад­ско­го ис­то­ри­ка Уильяма Ру­сса, одной из при­чин аме­ри­кан­ско­го во­ен­но­го вме­ша­тель­ства бы­ло «опасение, что по чис­лен­но­сти ази­а­ты скоро бу­дут до­ми­ни­ро­вать над бе­лой ци­ви­ли­за­цией о­сто­ров» [14, р. 34].

После соз­да­ния на Га­вай­ях вре­мен­но­го пра­ви­тель­ства встал во­прос об оп­ре­де­ле­нии гра­ждан­ства всех тех, кто про­жи­вал в это время на о­сто­вах. Бы­ло пред­ло­же­но рас­сма­три­вать япон­цев и ки­тай­цев, жи­вущих там, как вре­мен­ных ре­зи­ден­тов с их по­сле­дую­щей вы­сыл­кой. Од­на­ко ад­ми­рал Дж. Уол­кер, ко­ман­до­ва­вший флотом в ра­йоне Га­вай­ев, на­правил во­ен­но­-мор­ско­му ми­ни­стру США пи­сь­мо, в ко­то­ром го­во­ри­лось о не­це­ле­со­об­раз­но­сти по­доб­ной ме­ры, по­сколь­ку «япон­цы рас­сма­три­ва­ются на Га­вай­ях как воз­мож­ный ис­точ­ник бу­ду­щих не­при­ят­но­стей» [14, р. 23].

В 1897 г. вла­сти о­сто­ров не раз­ре­ши­ли при­ча­лить ко­ра­блю, на ко­то­ром на­хо­ди­лись свы­ше ты­сячи по­тен­ци­аль­ных япон­ских им­ми­гран­тов, что вы­зы­ва­ло на­пря­жён­ность в аме­ри­ка­но­-япон­ских от­но­ше­ниях. Трения уси­ли­лись, ко­гда в

* В 1900 г. о­сто­ва по­лу­чи­ли ста­тус тер­ри­то­рии США, став штатом лишь в ав­густе 1959 го­да.

Токио поняли, что США собираются аннексировать острова. Встревоженные японцы направили крейсер «Нанива» к берегам Гавайев, а японский посланник в Вашингтоне проинформировал госсекретаря Дж. Шермана о том, что «японское правительство не может не проявлять озабоченности возможностью неожиданного и радикального изменения статуса Гавайев, что повлечёт за собой ущемление прав Японии и японцев». В ответ американцы поспешили направить свои военные корабли к Гавайям. При этом госсекретарь объяснил, что действия США «никак не ущемляют дружеских отношений между Японией и США» [10].

Свои возражения против аннексии Гавайев Япония сняла в обмен на подтверждение Вашингтоном условий пересмотренного договора между США и Японией, который должен был войти в силу в 1899 г. Для решения спора вокруг японцев-иммигрантов на Гавайях США перед аннексией островов выплатили Японии 75 тыс. долларов.

Конгресс США не ратифицировал аннексию Гавайев, но в конечном счёте это решение было принято простым большинством при голосовании в обеих палатах Конгресса. В июле 1898 г. президент Маккинли подписал соответствующий документ. После того как Гавайи стали территорией США, вопрос о ввозе туда контрактных рабочих отпал сам собой, поскольку теперь на них распространялись те же законы, которые существовали в Калифорнии. Японец, рождённый на Гавайях, автоматически становился американским гражданином*.

В США с 1900 по 1910 г. число японских иммигрантов выросло до 72,2 тыс., при этом их доля среди всех иммигрантов увеличилось всего лишь на 0,05%. Так как большая часть японцев селилась в Калифорнии, то к 1910 г. там проживало 57,3% японцев переехавших в Соединённые Штаты [6, p. 115].

В 1905 г. в США была учреждена Лига за высылку японцев (*Japanese Exclusion League*). После войны 1905 г. Япония стала претендовать на место среди мировых лидеров, и всякая пропаганда новой волны иммигрантов с японских островов в США стала рассматриваться как угроза безопасности Соединённым Штатам в целом и Калифорнии в частности. В октябре 1906 г. школьный совет Сан-Франциско принял решение о сегрегации школьников из Японии, Китая и Кореи, которые теперь должны были учиться в специальных школах.

Президент Рузвельт делал попытки вмешаться и смягчить напряжённость по этому вопросу между США и Японией, однако власти Калифорнии не хотели идти на уступки. Более того, в 1909 г. городской закон о сегрегации в школах получил статус штатного.

В 1908 г. США и Япония подписали так называемое «джентльменское соглашение», в соответствии с которым Токио дал обещание не выдавать паспорта для потенциальных иммигрантов в США, за исключением тех категорий граждан, которые собираются посетить Соединённые Штаты в связи с ведением бизнеса или намечают поездку в Америку по служебным делам. Однако уже живущие в США японцы получили право привозить из Японии «своих

* Это положение не распространялось на китайских иммигрантов, которые попадали под действие закона «Об изгнании», хотя дети, родившиеся у них после аннексии, автоматически становились американскими гражданами.

родителей, жён и детей» [7, 1924, р. 339], что сохраняло реальную возможность для роста японской общины.

В ответ, согласно «джентльменскому соглашению», Рузвельт дал обещание воздействовать на городские власти Сан-Франциско, чтобы они отменили решение о сегрегации японских детей в городских школах. Япония выполнила своё обещание, а муниципалитет Сан-Франциско, хотя формально и отменил закон о сегрегации в 1936 г., но на практике её сохранил. Таким образом, противоречия на расовой почве в отношениях между США и Японией сохранились. С одной стороны, США всячески демонстрировали этой стране свою дружбу и поддержку, что заставляло её чувствовать себя равной среди великих держав. С другой – американский расизм в отношении японской иммиграции отбрасывал японцев во времена «открытия страны» и «неравноправных» договоров.

Вхождение Японии в клуб мировых держав ставило перед США задачу по обеспечению безопасности в Тихоокеанском регионе. В декабре 1905 г. президент Т. Рузвельт, ещё совсем недавно инициировавший выговор генералу Макартуру за высказывание о необходимости обеспечить безопасность Гавайев, в своём ежегодном послании Конгрессу заявил: «По моему мнению, немедленно должны быть приняты меры для укрепления Гавайев, поскольку это наиболее важная точка в Тихом океане, которая требует подобных мер для сохранения интересов нашей страны» [7, 1905, р. viii].

Япония, победив в войне 1905 г., стала единственным потенциальным военным соперником США в Тихоокеанском регионе. Главную, хотя опять же потенциальную, угрозу своим интересам в Тихом океане, американские военные по-прежнему видели в японском нападении на Филиппины. Поэтому часть Тихоокеанского флота США базировалась на о. Олангапо в заливе Субик-Бей, к северо-западу от Манилы, и была предназначена для отражения морской угрозы столице Филиппин. Армия настаивала на переносе базы флота в Манильский залив, поскольку это давало бы прикрытие для его стоянки с суши. Однако администрация Рузвельта не слишком заботилась об обороне Филиппин, не считая реальной угрозу со стороны Японии, всё ещё считавшейся дружественной страной. Правда, план действий на случай возникновения войны существовал и в Вашингтоне, и в Токио.

Американский «оранжевый» план* был разработан ещё в 1903 г. Объединённым комитетом армии и флота, который возглавлял адмирал Джордж Дьюи. Комитет, состоявший из двух армейских и двух флотских офицеров, так и не сумел принять решение о том, где должен базироваться Тихоокеанский флот США – на Филиппинах, в Пёрл-Харборе или на о. Гуам. Это стало одной из причин его роспуска в 1913 году.

И в Японии после 1905 г. появился собственный аналог американского «оранжевого» плана. В соответствии с ним, в случае если напряжённость вокруг расовых преследований японцев в США приведёт к войне, Япония начнёт действия с захвата Филиппин и Гуама. Это заставит американский флот пере-

* Военные планы США имели цветовое обозначение – план возможного столкновения с Германией назывался «чёрный», с Великобританией – «красный», с Мексикой – «зелёный».

сечь океан и прийти на выручку захваченным гарнизонам. Японский флот встретит американские корабли, утомлённые длительным походом, ближе к берегам Японии и уничтожит их [15, р. 27–28].

В 1907 г. Япония приняла программу перевооружения армии и флота, что позволило ей к 1909 г. увеличить силы военно-морского флота вдвое. США, стремясь продемонстрировать своё военное присутствие в Тихом океане в декабре 1907 г., перебросили флот из Атлантики к берегам Сан-Франциско, откуда эскадра из 16 крейсеров отправилась на Дальний Восток. Целью похода была демонстрация американской военной мощи, внешне оформленной как акт дружбы между США и Японией. Визит американского флота (1908 г.) внешне проходил вполне благополучно, тысячи японцев приветствовали американских моряков в Иокогаме и Токио. Был организован приём у императора. Однако за всем этим скрывалась напряжённость.

По замыслу американского командования одна часть эскадры должна была идти в Японию, другая – в Китай. Японцы под угрозой отмены визита, требовали, чтобы все корабли шли в Японию, поскольку именно её статус великой державы требует визита всей эскадры. Американцы уступили, но всё же собирались после Японии посетить Китай. И снова японцы заявили, что подобный визит поставил бы Японию в один ряд с Китаем. Американцы опять уступили – часть эскадры пошла в Китай, другая на Филиппины*.

После окончания русско-японской войны военный истеблишмент США и Японии исподволь готовился к худшему сценарию развития ситуации. Ограничив активность России в Китае, Япония не спешила делиться с Вашингтоном своим влиянием в этой стране. Расчёты Рузвельта на то, что Япония сможет снизить деятельность России в Маньчжурии, не оправдались. После русско-японской войны отношения между бывшими врагами начали улучшаться. Японский генштаб продолжал разрабатывать планы дальнейшей экспансии в Китае, а Соединённые Штаты рассматривали угрозу своим интересам не столько в Китае, сколько на Филиппинах, находившихся в опасной близости от Японии.

После 1905 г. и Россия, и Япония достаточно быстро вернулись к теме о разграничении сфер своего влияния в Китае, что полностью противоречило американской политике «открытых дверей». Обе страны осознали как взаимозависимость, так и взаимозависимость своей политики в регионе. В июле 1907 г. российский министр иностранных дел А. Извольский и японский посланник в Санкт-Петербурге Мотоно Итиро подписали соглашение, в открытой части которого речь шла о «принципе территориальной целостности Китая» и «статус-кво на Дальнем Востоке». В его закрытой части говорилось о разделе сфер влияния в Маньчжурии на японскую (южная часть) и русскую (северную). Россия признавала особые права Японии в Корее, а Япония российские интересы – во Внешней Монголии.

* Даже посылая всего лишь половину эскадры в Китай, американцы боялись задеть обострившееся чувство национального достоинства японцев. Первоначально планировалось направить эскадру в порт Чифу (Яньтай) на Шандунском полуострове, но в Госдепартаменте США решили, что японцы могут возражать против такого решения, поскольку порт находится слишком близко к Порт-Артуру. В конечном счёте было решено направить корабли в Амой.

Когда «секретная» часть соглашения стала известна госсекретарю США Э. Руту, он согласился на предложение японского посла Такахиры подписать аналогичный документ. В подписанном в ноябре 1908 г. соглашении Рута – Такахиры речь шла о сохранении статус-кво в Тихоокеанском регионе, политике равных возможностей в Китае и сохранении целостности Китая. В дополнение к соглашению были решены вопросы торговли в регионе и взаимно признаны территориальные владения. Японцы признавали аннексию Филиппин и Гавайев, американцы – «особые права» Японии в Корее и Маньчжурии.

Для Токио целью соглашения, которое японцы пышно называли Американо-японской Антантой, было, прежде всего, смягчение напряжённости, сложившейся после русско-японской войны в отношениях с США. Япония всячески демонстрировала стремление сохранить статус-кво в Тихоокеанском регионе, что устраивало и Вашингтон. Однако японцы отказались включить в текст соглашения, предложенное американцами положение о «сохранении административной целостности Китая». В инструкции министра иностранных дел Японии Комуры послу Такахире говорилось: «Это (предложение. – *М.Н.*) может войти в противоречие с административными правами Японии на арендованных территориях в Маньчжурии и вдоль ЮМЖД, что в будущем может привести к определённым недоразумениям» [8, р. 273].

Заклучив союзные соглашения с США, Великобританией (1902), Россией и Францией (1907), Япония не только подтвердила равный статус с великими державами, но и создала собственную систему безопасности. В то же самое время ей удалось сохранить определённую свободу действий в Китае, где после победы над Россией её позиции всё более укреплялись. Американо-японские договорённости о «равных возможностях в Китае» носили достаточно декларативный характер. На деле планы американцев построить железную дорогу в Маньчжурии и интернационализировать уже существующие там железные дороги наткнулись на стойкое сопротивление и России, и Японии. В июле 1910 г. оба государства подписали договор о «дружественном содействии» улучшению железнодорожного сообщения в Маньчжурии и поддержании статус-кво в этом регионе. В секретной части документа говорилось, что стороны будут оказывать друг другу содействие в случае посягательств на них третьей стороны. В 1912 г. было подписано ещё одно секретное соглашение – Сазонова – Мотоно* о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии. Восточная часть Маньчжурии объявлялась сферой японского влияния, западная – российского. Таким образом, США оказывались «третьим лишним» в своих планах проникновения в Маньчжурию.

В декабре 1908 г. Япония начала кампанию по пересмотру договоров 1894–1895 гг., чтобы добиться полной таможенной автономии. Первыми в феврале 1911 г. Договор о торговле и мореплавании, отменявший все таможенные ограничения урезывавшие права Японии, подписали Соединённые Штаты, что де-юре окончательно устраняло сохранявшуюся с времён «открытия страны» неправомерность Японии по отношению к другим ведущим странам.

* С. Сазонов – министр иностранных дел России, Мотоно Итиро – посол Японии в Санкт-Петербурге.

Список литературы

1. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Том 2. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 639 с.
2. История США. Хрестоматия / Составитель Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. 399 с.
3. Японцы о Японии (Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отред. А. Стэдом) / Пер. с англ. М.А. Шрейдер и С.Г. Займовского под ред. Д.И. Шрейдера. СПб.: Товарищество «Просвещение», 1906. 537 с.
4. *Beasley W.* Japanese Imperialism, 1894–1945. Oxford: Clarendon Press, 1987. 280 p.
5. *Conroy Hilary.* The Japanese Frontier in Hawaii, 1868–1898. Berkeley: University of California Press, 1953. 408 p.
6. *Daniels Roger.* Asian America: Chinese and Japanese in the United States since 1850. Seattle & London: University of Washington Press, 1988.
7. Foreign Relations of the United States, Washington: U.S. Government Printing Office. За соответствующие годы.
8. *Kamikawa Hikomatsu.* Japan-American Diplomatic Relations in the Meiji-Taisho Era. Tokyo: Pan-Pacific Press, 1958. 462 p.
9. The Letters of Theodore Roosevelt / Ed. by E. Morrison. Cambridge (Mass.). 1951–1954. Vol. IV.
10. The New York Times. 6.07.1897.
11. *Nimmo William F.* Stars and Stripes Across the Pacific. The United States, Japan, and the Asia/Pacific Region, 1895–1945. Westport (Conn.): Praeger. 2001. 289 p.
12. *Okamoto Shumpei.* The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War. New York: Columbia University Press. 1970. 358 p.
13. Papers of Theodore Roosevelt. Manuscript Division, Library of Congress.
14. *Russ Jr William Adam.* The Hawaiian Revolution (1893–94). Cranbury (N.J.): Associated University Presses, 1992. 372 p.
15. *Seno Sadao.* Chess Game with no Checkmate: Admiral Inoe and the Pacific War // Naval War College Review, January-February 1974. P. 26–39.
16. Statistical Abstract of the U.S. За соответствующие годы.
17. *Treat Payson J.* Japan and the United States, 1853–1921, Stanford (CA): Stanford University Press, 1928. 307 p.
18. *Tyler Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York: Doubleday, Page, 1925; reprint, Gloucester, (Mass.): Peter Smith, 1959.
19. *Van Alstyne Richard.* The United States and East Asia. New York: W.W. Norton & Company Inc, 1973. 180 p.